Принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* в праве международных договоров

БАЛЬХАЕВА Саяна Баировна, ведущий научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: mp4@izak.ru

В статье рассматривается генезис принципа *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* (договоры не вредят и не благоприятствуют третьим лицам) в праве международных договоров и его применение в современной договорной практике. Данный принцип, берущий свое происхождение из римского права, получил воплощение в действующем праве международных договоров благодаря соответствующим положениям Венской конвенции о праве международных договоров.

Относительно текущего применения данного принципа отмечается, что он имеет первоочередное практическое значение для тех международных договоров, на объект и цель которых оказывают существенное влияние отношения сторон с третьими государствами. Число таких договоров в последнее время значительно возросло, прежде всего в области международной безопасности.

Несмотря на существующий консенсус в отношении общего признания правовой ценности принципа *pacta tertiis*, конкретные пределы применения данного принципа остаются предметом острой научной полемики, которая обусловлена рядом проблем, связанных с его непосредственным применением. Среди причин выделяются: снижение значимости концепции государственного суверенитета в современных условиях, изменение подходов в отношении пределов исключения из данного правила, применение принципа *pacta tertiis* в рамках международного уголовного права, использование в текстах международных договоров ссылок на иные международные договоры.

Изучение международной договорной практики показало сохранение правовой неопределенности в отношении косвенных обязательств и их роли в возникновении неблагоприятных последствий договоров для третьих государств.

Автор приходит к выводу о двойственной природе принципа *pacta tertiis*, которая проявляется в том, что данный принцип, с одной стороны, позволяет преодолевать коллизии между нормами международных договоров, а с другой — является причиной их возникновения.

Ключевые слова: принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, право международных договоров, Венская конвенция о праве международных договоров, Римский статут Международного уголовного суда, Конвенция ООН по морскому праву.

The Principle of *Pacta Tertiis Nec Nocent Nec Prosunt* in the Law of Treaties

S. B. BALKHAYEVA, leading research fellow of the Department of foreign constitutional, administrative, criminal legislation and international law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: mp4@izak.ru

The article deals with the genesis of the principle of *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* (treaties do not create either obligations or rights for third states without their consent) in the law of treaties and its application in the modern treaty practice. This principle, originated from the Roman law, was

enshrined in the existing law of treaties through the relevant provisions of the Vienna Convention on the law of treaties.

Assessing the application of this principle, it is noted that it is of paramount practical importance to those international treaties, the object and purpose of which have a significant impact on relationships of the parties with third states. The number of such agreements in recent years significantly has increased, especially in the field of security.

It is emphasized that, despite the existing consensus on the general recognition of the legal value of the principle of *pacta tertiis*, specific limits concerning the application of this principle remain the subject of intense scientific debate. It is due to several problems associated with its direct application. Among the reasons of such a state are: the declining importance of the concept of state sovereignty in modern conditions, changing approaches to the limits of the exception to this rule, the application of the principle of *pacta tertiis* in the framework of international criminal law, the use of references to other international instruments in the texts of international treaties.

The study of international treaty practice has showed the preservation of legal uncertainty in respect of indirect obligations and their role in emergence of adverse effects in respect of third states.

In the conclusion the author emphasizes the dual nature of the principle *pacta tertiis*, which is manifested in the fact that this principle allows to overcome the contradictions between the provisions of international treaties and, at the same time, causes itself their occurrence.

Keywords: principle *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, the law of treaties, Vienna Convention on the Law of Treaties, the Rome Statute of the International Criminal Court, the UN Convention on the Law of the Sea.

DOI: 10.12737/art_2018_3_13

Современное право международных договоров призвано регулировать отношения между субъектами международного права, которые из года в год становятся все более сложными и многообразными. Вследствие интенсификации, динамизма, универсализации современных международных отношений все большую актуальность приобретают многосторонние международные договоры, которые позволяют путем закрепления взаимных прав и обязанностей договаривающихся сторон скоординировать интересы, позиции и действия субъектов международного права.

В соответствии с широко распространенной точкой зрения природа международного права имеет согласительный характер, что означает особый способ создания международно-правовых норм¹. Таким образом, итогом создания международных норм является соглашение государств, в основе которого лежит согласование воли сторон. Однако в условиях глобализации

особое значение приобретает возможность влияния международного договора на интересы других государств. Возрастающее влияние этой тенденции регулярно отмечалось в работах отечественных ученых. Так, М. А. Коробова указывала: «Все возрастающие связи между государствами приводят к тому, что в условиях сложной системы взаимозависимости в международных отношениях государства в своих договорных отношениях вынуждены касаться вопросов, представляющих интерес и для неучаствующих государств»².

Общее правило гласит: международный договор не обязывает третьи государства без их на то согласия. Для третьего государства договор является договором других государств (*res inter alios acta*). Это общее правило вытекает из римского права: *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*³ (далее — принцип *pacta tertiis*). Данный принцип является

¹ См.: Ульянова Н. Н. Общие многосторонние договоры в современных международных отношениях. Киев, 1981. С. 176—178.

² Цит. по: Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. 1. М., 2004. С. 189.

³ Договоры не вредят и не благоприятствуют третьим лицам.

общепризнанным принципом международного права и основой права международных договоров⁴.

Исторически принцип *pacta tertiis* берет свое начало из римского договорного права⁵. Несмотря на ряд попыток со стороны великих держав (Австро-Венгрии, Франции, Великобритании, Пруссии и России) создать после Венского конгресса 1815 г. «объективное право» (другими словами, право, которое является обязательным для третьих государств), само существование и применение принципа *pacta tertiis* никогда не ставилось под сомнение. В ходе работы Комиссии международного права над проектом конвенции о праве международных договоров вопрос о действии международных договоров в отношении третьих государств являлся предметом всестороннего рассмотрения со стороны докладчиков Дж. Фицмориса и Х. Уолдока.

Сформировавшаяся к данному моменту времени судебная практика и доктринальные позиции по данному вопросу позволили Дж. Фицморису заявить, что принцип *pacta tertiis* имеет настолько «основополагающий, очевидный и устоявшийся характер, что он на самом деле не требует приведения каких-то дополнительных аргументов в его поддержку»⁶. Также не вызывает сомнения связь рассматриваемого принципа с принципом суверенного равенства государств. Вместе с тем следует учитывать, что он органически связан и с другими основными принципами международного права, прежде всего с принципом невмешательства во внутренние дела, и, соответственно, должен толков-

ваться и применяться с учетом этих принципов.

В итоге принцип *pacta tertiis* был включен в текст Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее — Венская конвенция 1969 г.) в качестве ст. 34, которая предусматривает, что договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия. Аналогичное положение было закреплено и в Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г.

На вопрос относительно обязательств третьих государств большинство юристов-международников давали отрицательный ответ, отмечая, что международный договор обязывает только те государства, которые принимали непосредственное участие в международном договоре. Например, еще в 1875 г. такая позиция была высказана А. Н. Стояновым: «Международный договор, нарушающий права третьих государств, неисполним, так как такое положение противоречит международному праву»⁷. Аналогичное мнение высказывал и Ф. Ф. Мартенс: «Международный договор обязывает только стороны в договоре и не может налагать обязательства на те государства, которые не принимали участия в договоре»⁸.

Позднее статус третьего государства был закреплен в Венской конвенции 1969 г. Так, согласно ее подп. «h» п. 1 ст. 2 третьим государством признается государство, которое не принимало участия в заключении международного договора и не является его участником. При этом следует учитывать, что статус третьего государства не однороден,

⁴ См.: *Анцилотти Д.* Курс международного права. Т. 1. М., 1961. С. 352.

⁵ См.: *Roxburgh R. F.* International Conventions and Third States. L., 1917. P. 6.

⁶ Fifth Report on the Law of Treaties (Treaties and Third States) by Sir Gerald Fitzmaurice, Special Rapporteur. UN Doc. A/CN.4/130, 83.

⁷ Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков, 1875. С. 493—494.

⁸ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. По изд. 1904 г. М., 1996. С. 396—399.

поскольку возможны различные вариации данного статуса в зависимости от степени отношения третьих государств к конкретному международному договору. В связи с этим выделяются: государства, которые не имеют никакого отношения к договору; государства, участвовавшие в переговорах по договору; договаривающиеся государства и т. п. Как справедливо отмечает А. Н. Талалаев: «Было бы неправильным считать, что эти различия не несут за собой никаких юридических последствий в правовом положении третьих государств в отношении международного договора. Так, участвовавшие в переговорах государства имеют право подписать и ратифицировать договор, в то время как совершенно посторонние государства имеют право только присоединиться к нему (если договор открыт для присоединения, а не для подписания)»⁹.

Ряд обязанностей по отношению к договаривающимся государствам, не ставшим еще участниками международного договора, имеет депозитарий международного договора: направление заверенных копий договора, информирование о документах и исправлениях к нему, представление уведомлений и сообщений, имеющих отношение к договору, и т. д. Так, договаривающиеся государства вправе знать о том, какое число выражений согласия на обязательность, необходимое для вступления договора в силу, было получено или депонировано, и депозитарий обязан их информировать на сей счет, невзирая на то обстоятельство, что данные государства по-прежнему имеют статус третьих государств в отношении этого договора.

Таким образом, международно-правовой статус договаривающегося государства отличается от статуса третьего государства, которое не имеет отношения к конкретному

международному договору, поскольку первый из перечисленных субъектов международного права обладает большим объемом прав и полномочий. В доктрине международного права встречается интересное мнение, что значительным упущением Венской конвенции 1969 г. является тот факт, что обязательство не нарушать объект и цели международного договора (ст. 18) не распространяется на стадии переговоров, сопоставления и принятия текста международного договора. Тем более во всех трех вариантах статей о правах и обязанностях участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств, выработанных в рамках Комиссии международного права (1962, 1965 и 1966 гг.), действие принципа соблюдения объекта и цели договора начиналось со стадии вступления в переговоры и покрывало собой стадии составления и принятия текста договора¹⁰. Таким образом, договаривающееся государство имело бы не только права, но и обязанности в силу ст. 18 Венской конвенции 1969 г., которая предусматривает обязательство не лишать договора объекта и цели до вступления договора в силу.

Впрочем, в соответствии с положениями названной Конвенции промежуток времени, в течение которого государство вступило на основе соответствующей договоренности в переговоры, приняло участие в составлении и принятии текста договора, не подпадает под действие ст. 18 данной Конвенции. Можно предположить, что существование такого нормативного положения является следствием того, что несмотря на имеющиеся различия в правовом статусе государств, не участвующих в договоре, их объединяет один общий признак, который и позволяет называть их третьими государствами: для них дого-

⁹ Талалаев А. Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 94.

¹⁰ См.: Каламкарян Р. А. Фактор времени в праве международных договоров. М., 1989. С. 72—75.

вор не имеет обязывающей юридической силы.

Что следует понимать под юридической силой нормативного акта? В словаре С. И. Ожегова выражение «юридическая сила» определяется как действительность, правомочность правила, закона¹¹. В международно-правовой литературе этот термин употребляется для обозначения обязательности договора. Ф. Мартенс писал: «Интерес, собственная польза заставляют государства заключать международные договоры, и интерес, польза обеспечивают признание их обязательности»¹².

Соответственно, участниками международного договора являются только те государства, которые выразили свое добровольное согласие на обязательность для них договора и для которых договор вступил в силу и действует.

Общее правило в отношении третьих государств иногда дословно воспроизводится в текстах международных договоров. Например, соответствующее положение содержится в ст. 38 Конвенции по примирению и арбитражу, заключенной странами СБСЕ в 1993 г., которая устанавливает, что «в соответствии с международным правом подтверждается, что ничто в настоящей Конвенции не может быть истолковано как создающее какие-либо обязанности или обязательства для государств — участников СБСЕ, которые не являются участниками настоящей Конвенции, если только это специально не предусматривается и если такие государства не дают свое ясно выраженное согласие на это в письменной форме»¹³. Причина воспроизведения общего правила в данном случае видится в необходимости подчеркнуть, что уча-

стие в СБСЕ не означает участия в Конвенции, не делает ее обязательной для государств, не оформивших в ней своего участия в обычном порядке.

Специальные положения по рассматриваемому вопросу содержат договоры, для которых отношения сторон с третьими государствами имеют особое значение. При этом такие договоры устанавливают, что поправки вступают в силу для всех участников после принятия их большинством сторон. Такое положение содержится, например, в ст. 2 Договора о запрещении испытаний ядерного оружия 1963 г. Она предусматривает, что соглашение о поправке, принимаемое большинством участников, становится обязательным и для тех участников, которые не принимали это соглашение и являются в отношении его третьими государствами¹⁴.

Однако, несмотря на наличие консенсуса в отношении общего признания правовой ценности принципа *pacta tertiis*, конкретные пределы применения данного принципа остаются предметом острой полемики. Это противоречие обусловлено рядом проблем, связанных с его применением.

Во-первых, в силу того, что принцип *pacta tertiis* во многом берет начало от более широкой концепции государственного суверенитета, высказываемая многими точка зрения об уменьшении значения государственного суверенитета в современных условиях неизбежно обусловила критику принципа *pacta tertiis*. Таким образом, ряд ученых утверждают, что сфера действия принципа *pacta tertiis* в обязательном порядке должна сокращаться в связи с утратой концепции государственного суверенитета своего прежнего значения¹⁵. Как указывается в работах за-

¹¹ URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28634> (дата обращения: 20.12.2017).

¹² Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. С. 395.

¹³ Дипломатический вестник. 1993. № 3—4. С. 4—14.

¹⁴ См.: Лукашук И. И. Указ. соч. С. 215—218.

¹⁵ Подробнее см.: Dahm G., Delbrück J., Wolfrum R. *Völkerrecht*. Vol. I/3. Berlin, 2002. S. 626.

падных юристов-международников, «правило о том, что договоры не могут устанавливать обязательства в отношении третьих государств, со всей очевидностью вытекает из суверенитета государства, а также в результате того, что на международном уровне не существует никаких правотворческих механизмов, посредством которых нормы права могут быть навязаны несогласному меньшинству государств. Однако, поскольку международное общество становится все более сплоченным и интегрированным сообществом, отступление от общепринятого принципа становится неизбежным, в частности, в области сохранения международного мира и безопасности»¹⁶.

Во-вторых, тот факт, что нормы обычного международного права и Венской конвенции 1969 г. признают существование ряда ситуаций, в отношении которых не распространяется действие принципа *pacta tertiis*, неизбежно приводит к возникновению споров в отношении пределов исключения из данного правила. В статьях 35—38 данной Конвенции изложены обстоятельства, при которых договор может предусматривать установление прав и обязанностей для третьих государств. Соответственно, можно говорить о том, что принцип *pacta tertiis*, кодифицированный в ст. 34 Венской конвенции 1969 г., должен рассматриваться как создающий презумпцию о недопустимости распространения правовых последствий международного договора в отношении третьих государств. Будет ли правило *pacta tertiis* являться предметом дальнейших исключений, на сегодняшний момент остается неясным и спорным вопросом, о чем указала Комиссия международного права еще при разработке положений названной Конвенции. В связи с этим следует

привести высказывание, представленное в работе А. Бойла и К. Чинкина: «Классическое изложение данного принципа не отражает все многообразие международных отношений, которое сложилось на сегодняшний день»¹⁷. Как представляется, оно в наибольшей степени отражает современные доктринальные подходы к решению рассматриваемого вопроса.

Принцип *pacta tertiis* может выступать правовым препятствием для распространения правовых последствий действия международного договора в отношении третьих лиц только в том случае, когда соглашение создает обязательства или права для третьих государств.

Следует констатировать, что в настоящий момент научные разработки, касающиеся проблематики применения принципа *pacta tertiis*, в основном сводятся к анализу п. 6 ст. 2 Устава ООН, в котором устанавливается, что «организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее членами, действовали в соответствии с принципами Устава ООН, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности», и, соответственно, решению вопроса о том, распространяется ли действие Устава ООН на государства, не являющиеся ее членами¹⁸. Также ранее в рамках исследования данной проблематики предметом дискуссии являлся вопрос о том, могут ли новые независимые государства, образовавшиеся на месте прежних колоний, выступать в качестве третьих государств в отношении договоров, заключенных от их имени колониальными державами-метрополиями. В настоящее

¹⁷ Boyle A., Chinkin C. *The Making of International Law*. Oxford, 2007. P. 239.

¹⁸ См., например: Самхарадзе Д. Г. *Международный договор и не участвующие в нем государства* // *Международное публичное и частное право*. 2004. № 4.

¹⁶ Oppenheim's International Law. Vol. I. 9th ed. / eds. by R. Jennings, A. Watts. Oxford, 1992. P. 1264.

время такой вопрос не имеет практического значения, поскольку получившие независимость бывшие колонии являются полноправными членами международного сообщества и участниками международных договоров.

С развитием практики применения международных договоров закономерно возникли новые вопросы, касающиеся применения принципа *pacta tertiis*, которые требуют надлежащей научной оценки.

Во-первых, следует указать на существование ряда сложностей, касающихся применения принципа *pacta tertiis*, которые связаны с действием норм международного уголовного права. Наиболее яркий пример такой ситуации является собой позиция США в отношении Международного уголовного суда (МУС). В частности, США в ходе обсуждения соответствующих вопросов указали, что юрисдикция МУС, устанавливаемая на основании ст. 12(2)(а) Римского статута Международного уголовного суда 1998 г., будет нарушать принцип *pacta tertiis*¹⁹. Рассматриваемое нормативное положение применяется в случае, когда государство территориальной юрисдикции, т. е. государство, на территории которого было совершено предполагаемое преступление, признало юрисдикцию суда. В таких случаях МУС может осуществлять свою юрисдикцию, даже если государство, гражданином которого является обвиняемый, не является участником Римского статута, при условии, что совершенное преступление подпадает под юрисдикцию Суда и передается прокурору государством-участником в соответствии со ст. 14 Римского статута. Также в соответствии со ст. 15 Римского статута прокурор обладает полномочиями инициативно начать

расследование в отношении такого преступления²⁰.

Возможность привлечения американских военных, расквартированных за рубежом, к уголовной ответственности со стороны МУС по-прежнему остается предметом дискуссии в научной литературе, несмотря на то, что США в настоящий момент не являются участником Римского статута²¹. Однако, как представляется, подобные опасения лишены оснований, поскольку право государства осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных на ее территории, является общепризнанным принципом международного публичного права²². Национальность и территориальность являются самостоятельным и достаточным основанием для установления юрисдикции²³. Действительно, не существует международно-правовых норм, которые запрещали бы государству территориальной юрисдикции добровольно делегировать МУС свои суверенные полномочия осуществлять уголовное преследование²⁴. В связи с этим предполагаемое распространение действия ст. 12(2)(а) Римского статута в отношении третьих государств базируется не на установ-

²⁰ Ст. 13(а) и (с) Римского статута.

²¹ См.: *Wedgwood R.* Op. cit. P. 99—102.

²² См.: *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 7th ed. Oxford, 2008. P. 301—303.

²³ См.: *Hafner G., Huston J., Rübesame A., Boon K.* A Response to the American View as Presented by Ruth Wedgwood // *European Journal of International Law*. 1999. No. 10. P. 108, 117. Следует также указать, что сказанное в равной степени относится и к третьей категории юрисдикции государства, а именно государства регистрации морского или воздушного судна. См. ст. 12(2)(а) Римского статута.

²⁴ См.: *Williams S. A., Schabas W. A.* Commentary on Art. 12 // *Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court* / ed. by *O. Triffterer*. Portland, 2008. Para. 15.

¹⁹ См.: *Wedgwood R.* The International Criminal Court: An American Perspective // *European Journal of International Law*. 1999. No. 10. P. 93, 99—102.

ленных правовых положениях, а является естественным последствием создания МУС. На самом деле данный договор может быть лучше всего описан в терминах, предложенных Дж. Фицморисом еще в 1960 г. Он предложил рассматривать такие договоры в качестве «договоров, порождающих одновременно побочные неблагоприятные правовые последствия в отношении третьих государств»²⁵.

Важно подчеркнуть, что действие Римского статута смягчено действием принципа дополнительности, устанавливающего правовые гарантии для третьих государств. В соответствии с данным принципом, закрепленным в преамбуле, ст. 1 и 17 Римского статута, дело может быть принято к рассмотрению МУС только в том случае, когда: а) государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование; б) дело расследовано государством, которое обладает юрисдикцией в отношении него, и это государство решило не возбуждать в отношении лица, которого это касается, уголовного преследования, за исключением случаев, когда это решение стало результатом нежелания или неспособности государства возбудить уголовное преследование должным образом²⁶.

Во-вторых, важной проблемой остается вопрос о том, насколько соответствует принципу *pacta tertiis* включение в текст международного договора ссылок на иные международные договоры. Такие ссылки приводят к тому, что стороны дого-

вора становятся косвенно связанными положениями других международных договоров.

Классическим примером такого положения является п. 6 ст. 210 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция ЮНКЛОС), согласно которой «национальные законы, правила и меры должны быть не менее эффективными в предотвращении, сокращении и сохранении под контролем такого загрязнения, чем глобальные нормы и стандарты». Общеизвестно, что термин «глобальные нормы и стандарты» подразумевает нормы, содержащиеся в Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. (далее — Лондонская конвенция). Таким образом, присоединяясь к Конвенции ЮНКЛОС, государство обязано соблюдать минимальные стандарты, установленные Лондонской конвенцией, независимо от того, является оно участником этого договора или нет.

Очевидно, что государства, исходя из своих суверенных прав, вправе самостоятельно решать, становиться или нет участником Конвенции ЮНКЛОС. Возможно, такое решение должно обязательно включать решение о принятии обязательств, предусмотренных Лондонской конвенцией. Если придерживаться этой точки зрения, то п. 6 ст. 210 Конвенции ЮНКЛОС не может рассматриваться как нарушающий принцип *pacta tertiis*.

Однако рассматриваемая ситуация приобретает более сложный характер, если принять во внимание временные рамки действия международного договора. Например, возникает вопрос: могут ли минимальные стандарты, предусмотренные п. 6 ст. 210 Конвенции ЮНКЛОС, также включать те стандарты, которые были внесены в Лондонскую конвенцию после вступления в силу Конвенции ЮНКЛОС или после присоединения государства к Конвенции ЮНКЛОС?

²⁵ Fifth Report on the Law of Treaties (Treaties and Third States) by Sir Gerald Fitzmaurice, Special Rapporteur. UN Doc. A/CN.4/130, 83. См. также: *Proelss A. Commentary on Art. 34 // The Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary / eds. by O. Dorr, K. Schmalenbach. Berlin, 2012. P. 625.*

²⁶ См.: *Hafner G., Huston J., Rübesame A., Boon K. Op. cit. P. 108—118.*

В связи с этим серьезные сомнения вызывают высказываемые мнения, согласно которым упомянутое положение Конвенции ЮНКЛОС должно рассматриваться как содержащее ссылку на возможные будущие изменения или пересмотр всего правового режима, установленного Лондонской конвенцией.

Отметим, что Международная морская организация хотя и неоднократно подчеркивала, что глобальные нормы и стандарты, предусмотренные п. 6 ст. 210 Конвенции ЮНКЛОС, должны рассматриваться как содержащие ссылку на Лондонскую конвенцию, до настоящего момента воздерживается от утверждения того, что п. 6 ст. 210 ЮНКЛОС также включает будущие изменения или даже существенные поправки соответствующих положений Лондонской конвенции. На практике это произошло с принятием в 1996 г. Протокола к Лондонской конвенции. Так, Российская Федерация является участником Лондонской конвенции²⁷. Однако, несмотря на то, что Протокол к Лондонской конвенции вступил в силу 24 марта 2006 г., Российская Федерация в нем не участвует.

Также в свете общего признания принципа *pacta tertiis* представляется необоснованным предположение о том, что государства, присоединившиеся к Конвенции ЮНКЛОС, были готовы в прошлом или в настоящий момент автоматически соблюдать изменившиеся правовые положения в рамках иного правового режима договора, который они не могли предвидеть на

момент присоединения к договору. В любом случае факт того, что в п. 6 ст. 210 Конвенции ЮНКЛОС говорится о «глобальных правилах и стандартах», предполагает следующее: соответствующие правила и стандарты должны получить широкое признание и, таким образом, могут не рассматриваться в качестве минимальных стандартов в рамках правового режима ЮНКЛОС до тех пор, пока эти поправки или пересмотренные положения Лондонской конвенции не вступят в силу и, кроме того, не будут одобрены большинством государств²⁸.

Проведенный в статье анализ свидетельствует о том, что правовые основы принципа *pacta tertiis* остаются предметом доктринального изучения на протяжении долгого периода времени. В то же время отдельные элементы этого принципа по-прежнему характеризуются значительной степенью неопределенности. Это влияет на правовые подходы к установлению обязательств и прав третьих государств. Как показывает изучение международной договорной практики, сохраняется неопределенность в отношении косвенных обязательств и их роли в возникновении неблагоприятных последствий договоров для третьих государств. Таким образом, можно констатировать двойственную природу принципа *pacta tertiis*, которая проявляется в том, что данный принцип позволяет преодолевать коллизии между нормами международных договоров и в то же время является причиной их возникновения.

²⁷ СССР ратифицировал данный документ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1975 г. № 2659-IX.

²⁸ См.: Rothwell D., Stephens T. *The International Law of the Sea*. Oxford, 2010. P. 374.

Библиографический список

- Boyle A., Chinkin C. *The Making of International Law*. Oxford, 2007.
Brownlie I. *Principles of Public International Law*. 7th ed. Oxford, 2008.
Dahm G., Delbrück J., Wolfrum R. *Völkerrecht*. Vol. I/3. Berlin, 2002.
Fifth Report on the Law of Treaties (Treaties and Third States) by Sir Gerald Fitzmaurice, Special Rapporteur. UN Doc. A/CN.4/130, 83.
Hafner G., Huston J., Rübesame A., Boon K. A Response to the American View as Presented by Ruth Wedgwood // *European Journal of International Law*. 1999. No. 10.

- Oppenheim's International Law. Vol. I. 9th ed. / eds. by R. Jennings, A. Watts. Oxford, 1992.
- Proelss A. Commentary on Art. 34 // The Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary / eds. by O. Dorr, K. Schmalenbach. Berlin, 2012.
- Rothwell D., Stephens T. The International Law of the Sea. Oxford, 2010.
- Roxburgh R. F. International Conventions and Third States. L., 1917.
- Wedgwood R. The International Criminal Court: An American Perspective // European Journal of International Law. 1999. No. 10.
- Williams S. A., Schabas W. A. Commentary on Art. 12 // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court / ed. by O. Triffterer. Portland, 2008. Para. 15.
- Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1. М., 1961.
- Дипломатический вестник. 1993. № 3—4.
- Каламкарян Р. А. Фактор времени в праве международных договоров. М., 1989.
- Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. 1. М., 2004.
- Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. По изд. 1904 г. М., 1996.
- Самхарадзе Д. Г. Международный договор и не участвующие в нем государства // Международное публичное и частное право. 2004. № 4.
- Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков, 1875.
- Талалаев А. Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997.
- Ульянова Н. Н. Общие многосторонние договоры в современных международных отношениях. Киев, 1981.
-